

УДЕЛ

(ГЛАВЫ ИЗ ПЕРВОЙ КНИГИ РОМАНА «ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ»)

Погода не баловала людей. Лютый холод держался до самой весны. Зато апрельские дни были чудесными. Умывшееся весенней водой красное солнышко с утра до вечера ласково светило и грело с бездонного свода. Ручьи журчали по улицам и по оврагам. Весело гоготали гуси. Припадая на обе лапки, они вели на улицу свои выводки, потом, сложив кончики крыльев на спине, барахтались и скользили по грязной воде. Гусь плоским клювом слегка покусывал и пощипывал затылок гусыни. Солнце подпекало их и нагоняло на обоих сон. Щелкали скворцы. Почки раскрывали клейкие листочки. Каждое дерево силуэтом вырезалось на небе и отбрасывало на травку у своего подножия тень, непроницаемо-темную или рябую от подвижных пятен солнца.

В такое время, когда кругом оживала природа, людям только жить бы и радоваться. Но, к сожалению, редко получается так, как человек предполагает и надеется. Тяжело пришлось Шеркею. Он не успевал управляться со своим хозяйством!

У человека только две руки, а дел у него уйма: присматривай за домом, вовремя накорми скотину и, кроме того, сумей вспахать и посеять. Шеркей приобрел в Какерлинском поле десять загонов земли. Он нанял батраков-татар в соседней деревне, чтобы засеять и вспахать земельный участок.

Хотя Шеркей не любил развязывать свой кошелек, однако последний становился все более тонким и легким. Успокаивала лишь надежда на будущий урожай.

Сколько он в это время затратил усилий на то, чтобы найти такого трудолюбивого человека, как Тухтар! Но ничего не вышло: не попался подобный на глаза. Нанимать же нерасторопного, ленивого батрака ему, конечно, не хотелось. Люди передавали, что Тухтар работает вместе с Элендеем и надеется обзавестись своим хозяйством. Было ясно, что Шеркею теперь ничем не заманить к себе Тухтара.

Элендей совсем прекратил всякие встречи с ним, никогда не навещал; даже если приходилось проходить мимо. «Насильно мил не будешь,— думал Шеркей,— я кланяться не стану, начнет ему подводить живот, так сам же прибежит к старшему брату. Тогда я напомню про ту пощечину. Придет когда-нибудь такой час».

Самая тяжелая работа по хозяйству теперь легла на Тимрука. Плохо о нем ничего не скажешь: неизвестно, когда он отдыхал, когда кушал и когда уходил на работу. Шеркей взял у свата один плуг, и Тимрук им вспахал все поле.

Безвременная смерть Сайде крепко связала руки Шеркею. В одно время соседская дочка Утя приходила к нему работать по дому, но вскоре Шеркей начал звать ее только для дойки коров и не допускал до кухни. Недоверие к девушке возникло не потому, что у нее были кривые руки, а совсем по другой причине. Как-то сварила Утя Шеркею на ужин полбенную кашу. В тот день он позавтракал впопыхах и наспех — торопился скорей дойти до Какерлинского поля. Днем не обедал, к вечеру вернулся домой сильно проголодавшимся и сейчас же приказал Уте сварить любимую им полбенную салму. Сам принес из клетки полный лоток муки, наблюдал, как Утя месила и крошила салму и налил ей ковш молока. Он пробовал похлебку, чтобы узнать, как она посолена, и пристально смотрел на котел, стоя с огромной глиняной чашкой.

— Неужели думаешь все это съесть?— удивленно спросила Утя и улыбнулась.

— Боюсь, не мало ли здесь — я сильно проголодался,— ответил Шеркей без всякого смеха. Он сел за стол, предвкушая удовольствие. Обычно Утя варила жидковатую похлебку, но на этот раз получилась достаточно густая и притом очень вкусная. Уже после первой ложки Шеркей подумал, что после смерти Сайде ему еще ни разу не пришлось отведать такого кушанья. Он ел, как всегда, быстро и торопливо, не отрываясь от чашки, и вдруг хруст — что-то застряло между зубами.— Стебелек или крапива?— подумал Шеркей, кажется, ведь ничего такого не клали.

— Ты что мне сварила сегодня?— спросил он Утю, которая как раз в это время вернулась с водой.

— Салму... Ты же сам просил...

— Верно, что салма, а это что?— Шеркей достал из ложки то, что застряло в зубах.

— Это — просто кожурка лука!

Шеркей принялся есть, Утя ушла домой. Вскоре ему в ложку опять попала такая же «кожурка лука». Оказалось,

это был таракан. Он бросил ложку и вышел из-за стола. Appetit был испорчен. Весь ужин пропал.

— Больше не допущу Утю к варке пищи, сам буду себе готовить...

К вечеру кто-то постучал в окно. «Ходят и беспокоят»,— пробормотал недовольный Шеркей. Это была Кемельби. Чулки белели венчиками над красивыми девичьими башмаками. Ее отец и мать приглашали Шеркея зайти к ним. Тот немедленно зашагал к свату. Говоря откровенно, он уже давно собирался навестить Кандюков. Но все было недосуг. Много времени отняли пахота, поездки по покупке земли. Теперь же все это осталось позади. Теперь и к Кандюкам надо непременно сходить. Следует поглядеть и на Селиме — как она чувствует себя в новом положении?

Тот же самый солидный дом. Ограда с непроницаемой древесной тьмой сада. Знакомое крыльцо. Дверь с начищенной блестящей медной ручкой.

— Хорошо, что пришел,— вежливо-презрительным голосом промолвил Кандюк, как только вошел сват. Его старуха подолом фартука вытирала морщинистые губы. Обычно болтливая и словоохотливая, Алиме почему-то молчала. Шеркей, морща лоб, пристально смотрел на них.

— Думаю, что тебе самому следует побеседовать с ней, то есть со снохой,— голос Кандюка стал тише,— ты — ее родной отец. Поговори-ка с ней, но только покруче. Чего тут противиться, разве калым не внесен? Полностью все уплачено. И про это напомни.

— Не совсем понял, о чем ты говоришь,— пробормотал Шеркей, топчась на месте и мигая глазами.

— Противится. Моего сына искусала всего.

— Э-э!..

— Сегодня Нямась поехал в Буинск. Говорит, неудобно с синяками на лице показаться людям в деревне.

— В-вон как дело складывается,— растерянно промолвил Шеркей.— Ладно, поговорю с ней, попробую вразумить... Я думал, мирно, душа в душу живут, а оказывается...

— Какое там! Как кошка с собакой... Кемельби, позови-ка сюда сноху. Скажи, что ее отец пришел.

Кемельби пошла звать Сэлиме.

— Я и сама,— заметила Алиме,— выходила замуж, да этак не противилась мужчине. Была дочерью богача из богачей, но так не поступала...

— Да что с тобой говорить!— брезгливо махнул рукой Кандюк.— Тебе уже тогда перевалило за двадцать шесть лет. Если бы кто-нибудь тебя и похитил, ты бы не стала про-

тивиться, а, наоборот, ликовала бы от радости. Додумалась сравнивать себя с ней. Не смейся, по крайней мере, меня.

Кемельби быстро вернулась:

— Не идет. Пусть, говорит, сам царь позовет, и то не пойду.

— Ты бы сказала, что твой отец, мол, явился.

— И слушать не хочет. Ежели он здесь, то пусть, говорит, сам ко мне придет.

Сообщение Кемельби ошеломило Шеркея.

— Нет, нет. Тогда проводите меня, попробую поговорить с ней. Она должна послушать отца,— сказал он с деланной улыбкой, которая совершенно не шла к его унылому, скорбному лицу.

Можно сказать, что в эту минуту Шеркей сразу постарел на несколько лет. Заостренный нос как-то неестественно вытянулся. Острые плечи странно согнулись, и его начал дуть кашель.

— Вразумлю,— подумал он,— эту наивную, глупенькую Сэлиме. Как-никак, а она лишилась теперь матери. Если и отца не послушает, кому же ей больше подчиняться? Нет, я внушу ей.

Кандюк, как бы что-то вспомнив, поднял руку, вытянув указательный палец:

— Видишь-ли,— сказал он, чуть выждав,— мы, чтобы не печалиться, не сообщили о том, что ее мать умерла.

— Этак-то разве лучше было? Но все-таки попробую с ней поговорить.

Хозяин повел Шеркея в заднюю избу. Чтобы подойти к ее двери, тому пришлось спуститься по лестнице с тремя ступеньками. Она была прямая, без перил и походила на трап. Кандюк пропустил его вперед и предложил:

— Постучи сам к ней.

Шеркей осторожно подошел к двери, остановился и негромко постучал.

— Открой, Сэлиме, это — я. Ты здесь?

— Папа!— закричала дочь.

Шеркей покашлял и толкнул дверь.

— Папа, ты!— опять послышался нервный голос Сэлиме.

— Я, дочка, я, моя милая...

Шеркей пытался войти, но дверь не поддавалась его усилиям и не открывалась.

— Папа, только одного тебя впусти.

— Вот и поговори с ней. Заладила одно и все свое поет. Когда это кончится, наконец?! Попытайся побеседовать с нею с глазу на глаз.— И Кандюк отошел в сторону.

Дверь приоткрылась. Шеркей протиснулся в избу. Он уви-

дел в полусвете тень. Сэлиме! Изба с низким потолком. На столе горит маленькая мигалка. Дочь сейчас же заперла дверь и приблизилась к отцу. Потом, закрыв лицо обеими руками, она начала плакать и была не в силах остановиться. Она плакала беззвучно, без слов. Только подергивались хрупкие плечи. Отец старался ее успокоить.

— Подожди, доченька, перестань плакать,— еле сдерживаясь от волнения, пробормотал Шеркей. Он положил руки на плечи дочери и привлек ее к себе.

— Говори тихо,— прошептала сквозь слезы Сэлиме.— Они всюду ходят и подслушивают. Они обрадуются, услышав мой плач. Но этого не будет. С тех пор, как меня вырвали из родного дома, я плачу днями и ночами. Однако никто еще не видел моих слез. Я не дам им насмеяться над моим горем.

Она ждала от отца защиты, слов любви, жалости, но тот ничего не промолвил. Дочь заглянула ему в глаза:

— Ах, папа, папа, как могли терпеть ваши сердца?.. Неужели до сих пор вам никак не удалось найти меня? Или вы хотите, чтобы я наложила руки на себя? Почему вы не пришли сюда и не спасли меня?

— Сэлиме, доченька!

— Столько, сколько я пролила здесь слез,— перебила она,— еще не падало с неба дождя на деревья и цветы Угламыша. Я боюсь, что мои глаза скоро перестанут видеть. Я сама уже вся высохла. Вот гляди!

Сэлиме сдернула с головы розовый шелковый платок. Отец взглянул и вздрогнул.

— Волосы... волосы твои... ты что... побелила их?— бормотал он и тронул руками волосы дочери.— Совсем побелела, как первый снег... Почему это?

Расширив глаза, он попятился назад и бессильно уткнулся в деревянную кровать, что стояла в углу.

— Что же делать, папа? Разве я сама повинна в этом?

— Как ты похудела!.. Остались одни глаза... Зачем ты себя терзаешь?..

— Не я себя, а они меня мучают.— Дочь накрыла платком голову и показала на дверь.— Недавно ворвались вдвоем, взломали запоры, Нямась с Урнашкой. Закрутили поясом мои руки.— Сэлиме засучила рукава, на предплечье были следы кровоподтеков.— Нельзя счесть всех побоев. Били до потери сознания. Я отбивалась. Они хотели заставить меня, чтобы согласилась стать женой Нямася. Провалюсь сквозь землю, но этого никогда не будет. Лучше смерть, чем жить с ним. Папа, я не останусь ни одной минуты в этом страшном доме, уйду отсюда с тобой... Ну, а как живет мама?— дочь

вытерла слезы.— Она все время во сне меня к себе зовет, сама стала какой-то маленькой, не заболела-ли?.. Как братишки себя ведут?

Шеркей не знал, что сказать. В горле что-то давило и он отвернулся в сторону.

— Папа, неужели ты плачешь?— дочь подошла к нему.— Когда ты вошел, у меня как будто камень спал с груди. Теперь я заплакала только от радости, а ты не плачь, дорогой. Моя беда, наконец-то, кончилась,— глубоко вздохнула Сэлиме.— Сейчас мы вместе с тобой выйдем отсюда, слышишь? Уйдем! Вовек не забуду этот страшный дом.

— Сэлиме,— сказал Шеркей, вытирая глаза.— Беда получилась из этого... Они к нам за тебя привели ту самую... вороную лошадь... в упряжке с санями, да еще и корову доставили, опять за тебя же. Корова-то хорошая — ведерная! Дали деньгами сто рублей... Деньги я берег, не очень тратил, пусть, думаю, пойдут впрок.

— Папа, скажи, как живет Тухтар?

Шеркей вдруг выпрямился, замигал глазами, потом, подумав, ответил:

— Тухтар? Он в прошлый понедельник ездил на базар в Убеи, а на обратном пути свалился со всем возом под Коршанговский мост. Похоронили его на следующий день. Он умер,— сказал и сам испугался своей жуткой выдумки.

— Что ты говоришь? Неужели!— крикнула Сэлиме.

Тут произошло то, чего Шеркей боялся: она закрыла лицо руками, и ее плечи затряслись от рыданий. Шеркей беспомощно оглядывался по сторонам. Казалось, что свет мигалки сразу потускнел. Блеск оконных стекол погас. В тысячный раз старик проклинал себя за то, что сказал ей, но каждый раз чувствовал, что ничто, даже уверенность в ее слезах, не остановила бы его.

— Умоляю тебя, не плачь так.— Он мягко положил руку на плечо дочери и снова прошептал:

— Я чувствую себя виноватым. Я знаю, что не имел права говорить тебе вещи, которые огорчают тебя. Но я не мог иначе. Если не веришь отцу, кто же другой тебе правду скажет?.. Сэлиме, милая доченька, от всего сердца говорю тебе: смирись!.. Согласись жить с Нямасем!.. Он, хоть и вдовец, но такой же человек, как и все. Слышишь?

Дочка с удивлением глядела на отца ничего не понимающими глазами. Он что-то рассказывал ей о лошади, о хорошей корове, о санях. Но ведь сейчас весна и сани не нужны. Стало быть, они привезли все это заранее, должно быть, еще зимою? Калым? Значит, ее отец и мать еще зимою знали,

что она томится здесь? Они согласились?! Что он сказал о Тухтаре? Сэлиме дошла почти до грани беспамятства.

— Что? Что ты сказал, папа?— вдруг закричала она.

— Согласись, говорю, жить с Нямасем...

Она вдруг стряхнула его руку со своего плеча и, порывисто отерев слезы, вскочила.

— Ты это серьезно говоришь? Или измываешься надо мной? Тогда тебе не надо было приходить сюда. Ты ненавидишь меня... Я вижу это,— в голосе ее было что-то такое, словно старается она словами прогнать то, что чувствует, и говорит для того лишь, чтобы ей скорее возразили. Потом она снова заплакала:

— Пусть мама придет! Скажи маме!

Шеркей стоял потупившись. Ему было стыдно смотреть дочери в глаза. Шумно вздохнув, он начал подбирать слова, как бы беседуя сам с собой:

— Да, кабы она была... Что тут поделаешь, то воля богов. Кажется, в прошлую пятницу родился новый месяц?! Да, верно. Мы отметили сороковой день.

— Папа!— страшным голосом закричала Сэлиме.— Что ты говоришь!?

— Скончалась она, дочка, скончалась. Мы похоронили ее рядом с твоим дедушкой.

Дочь побелела, как мел, потом, будто собираясь присесть, качнулась и упала. Платье распахнулось, раскрыв длинные стройные ноги.

Отец не успел ее поддержать. Шеркей растерялся. Он заметался по комнате. Бросился в одну сторону — там висят мотки ниток, подбежал к прялке и опрокинул ее. Сэлиме лежала на полу, на лицо легла тень от стола.

— Сэлиме!.. Дочка!..

Шеркей подбежал к двери, потянул за скобу, дверь чуть приоткрылась. Разве заперта? Вместо засова привязана фартуком, свитым в жгут. Шеркей развязывал узел, глядя помутневшими глазами то на лежащую на полу дочь, то на крошечную лампочку на столе. Потом, распахнув дверь, крикнул:

— Сват!.. Сват!.. Сватья!..

Из передней избы вышел Кандюк, за ним мешковато выползла его старуха.

— Что, согласилась?.. Да!..

— И не говори...

— Чего не хватает ей?

— Грохнулась на пол, боюсь, не умерла ли...

— Такая молодая не умрет. Надо бы слегка поколотить ее, тогда бы вся дурь мигом прошла...

— Ах! Какой ты! — затараторила Алиме, сбегая с лестницы. — Он говорит: как бы не умерла, а ты заладил свое, бубнишь одно и то же.

Кандюк с Алиме быстро вошли в заднюю избу. Старуха наклонилась к Сэлиме.

— Дышит, жива, — сказала, успокоившись.

— Ну да! Говорю же я..

— Вместо того, чтобы болтать попусту и стоять, помогите положить ее на кровать, — предложила старуха.

Кандюк с Шеркеем подняли и перенесли девушку. Алиме расстегнула ворот ее платья.

— Никак она в крови выпачкалась? — испугалась, увидев красные пятна и подтеки на бледном лице.

— Это — кровь из носа, — буркнул Кандюк, — ничего в этом страшного нет.

Алиме сняла с головы Сэлиме платок и отшатнулась:

— Смотрите, какие у ней седые волосы! Когда она успела так сильно поседеть, или у ней от роду были такие волосы?

Никто ей не сказал ни слова.

— Чего вы стоите и смотрите? — раздраженно заметила Алиме. — Намочите какую-нибудь тряпку и положите ей на лоб.

Будьте уверены, Алиме знает, как действовать: у нее на этот счет богатый опыт. Шеркей взял со стола чашку — она пустая, пошел к двери и заглянул в ведро — там тоже пусто. Рядом с ведром стоял кувшин. Кандюк передал его Алиме.

— Чего вы все стоите, как дураки?! Дайте, говорю вам, какую-нибудь тряпку! — приказала Алиме, словно она была лекарем.

В избе было темно и поэтому не могли найти тряпки. Тогда старуха вылила содержимое кувшина на лоб Сэлиме. Но там, оказывается, было несколько ложек кислого молока.

Алиме рассердилась:

— Я же говорила, что надо намочить водой. А вы тратьте на это кислое молоко... Хотя, от него будет больше пользы.

Алиме принялась натирать лоб Сэлиме. Девушка тяжело вздохнула один раз, другой, а потом начала дышать ровнее. Она медленно открыла глаза, оглядела избу. Алиме концом фартука стерла со лба молоко.

— Полежи здесь, отдохни, дорогая, — ласково сказала она девушке.

Сэлиме уперлась на локти, приподнялась, села и посмотрела вокруг себя:

— Что здесь случилось?

Она увидела стоявших перед ней Кандюка с женой и отца.

— Чего вы собрались? Уходите отсюда!.. Папа, и ты пришел?

Она вдруг вспомнила, что ей говорил отец. Ее горячая кровь вспыхнула. Глаза впились в него пронизывающим взглядом.

— Ах! Враги мои!— исступленно закричала девушка.— Все вы — мучители, убийцы. И ты, отец, такой же, как они. Убирайтесь. Я ненавижу вас, вы меня губите. Мне противно даже смотреть на вас.

— Подожди, милая, успокойся. Не сердись! Мы ухаживали за тобой, как за голубкой,— сказала тихо Алиме.

Спокойствие тона, после ее шумного взрыва, должно быть, ошеломило Сэлиме — глаза ее внезапно затуманились. Сверкающие точки исчезли. Вместо них хлынули потоком слезы. Алиме подошла к ней, но она гневно подняла голову.

— Не трогайте меня!— рыдала она.— Не смейте трогать меня! И никогда больше не говорите мне ни слова. Все ваши разговоры бесполезны.

Сэлиме вдруг вскочила с кровати, выпрямилась, один конец ее шелкового платка скользнул через плечо на спину, другой — на грудь. Она решительно подошла к двери.

— Подождите, я сейчас вернусь!— бросила резко и топливо скрылась за дверью.

Стоявшие в избе опешили и недоумевающе посмотрели ей вслед. Вдруг во дворе залаяли собаки, послышались громкие тревожные голоса женщин, которые доили коров. Одна из них стала звать Алиме. Та вышла из избы:

— Что случилось? Что вы так раскричались?

— Ваша сноха куда-то побежала, как сумасшедшая.

Все вышли из избы, столпились во дворе, а потом пошли на улицу.

— Вот тебе и на!

— Сэрби с ведрами проходила в ворота, ваша сноха столкнулась с ней, налетела, как вихрь, даже вода выплеснулась, и помчалась дальше. Можно подумать, что она не в своем разуме.

Позвали Сэрби и начали ее спрашивать.

— А кто ее знает,— ответила та,— вот облила меня водой, оставила всю мокрой.

— Не сбегала ли она? Этак она опозорит всех нас,— захныкала вдруг Алиме.

Один только Шеркей стоял молча, опустив голову. Прохладный ветер шевелил его волосы, теребил и словно расчесывал их.

Палюк старательно учился в Казани на доктора, но ему так и не удалось закончить образование. Царские власти обвинили его в связи с бунтовщиками, крамольниками и мятежниками. Он был исключен из университета и после этого не один раз отсидел в тюрьме. Проживал он теперь в Чепкассах, в родной деревне, или его там не было — этого Элендей точно не знал и все-таки предложил Тухтару: «Съезди в Чепкассы и привези ко мне Палюка».

Тухтар направился туда со своим псом, который всюду сопровождал его. Пес бежал по дороге, разгоняя птиц и зверьков. Уши пса настораживались, глаза от радости почти выскакивали из орбит, и легкие судороги проходили по всей спине. Эта прогулка была для него сплошным удовольствием.

Тухтару не пришлось увидеть Палюка. Он поговорил только с сестрой врача. Та радушно встретила его, расспросила о болезни Элендея, обещала, что брат должен на днях приехать и что он обязательно посетит заболевшего.

Тухтар вернулся домой поздним вечером. Дорогой проголодался. Накормив пса, он убрал комнату, подмел пол, приготовил себе ужин и сел за стол. Пес, возвратившийся домой после целого дня, проведенного в полях, свернувшись перед столом, быстро засыпал.

Полужинав и заперев комнату, Тухтар пошел к Элендею. Не успел он рассказать о своей поездке в Чепкассы, как открылась дверь и вошел сам Палюк. Тухтар удивленно посмотрел на него: «Сказали, что его нет дома, а он сам тут как тут».

— Что тарачишь глаза? Никак не вспомнишь?! — улыбнулся Палюк. Он сразу узнал Тухтара, поздоровался со всеми, попросил зажечь лампу и прошел к лежавшему в кровати Элендею.

Тот попытался подняться, но Палюк велел ему лежать, тщательно осмотрел и, наконец, сказал:

— Воспаление легких. С этим заболеванием, дорогой, шутки плохи.

Палюк предложил больному выпить какое-то лекарство белого цвета, положил на грудь, спину и бока горчичники, закутал теплым одеялом и пошел ночевать к кузнецу Капкаю.

Палюк почти ежедневно навещал Элендея. Раз он даже съездил в Убеевскую больницу и привез оттуда нужные лекарства.

Палюк был аккуратен и осторожен в движениях. Он бережно относился не только к людям, но и к вещам, будь то

чашка, стакан или тарелка. Чтобы случайно не разбить, он всегда оставлял их в сторону и ставил в надежное место. Пунктуальность и точность были его характерной чертой.

Это был энергичный, атлетически сложенный человек, с чуть продолговатым лицом, с вьющимися на висках каштановыми волосами, румяный, белозубый, с нежной кожей, чуть раздвоенным подбородком. Когда он смеялся, концы его бровей слегка приподымались, придавая ему добродушное выражение, и его зубы сверкали. Он был отзывчив, внимателен к людям.

Через неделю Элендей стал поправляться. Он вставал с кровати, ходил по избе и даже прохаживался по двору.

Несихва заколола теленка, испекла пироги, сварила пиво. Когда Палюк узнал, что все это угощение было сделано также и для него, он поморщился: медицинскому работнику положено лечить людей. Это — его долг и обязанность, благодарить тут нечего. Тем не менее выздоровление Элендея было хорошо отмечено его друзьями: они ели пироги и кружки доливали новым пивом, блестящим подобно полированной меди под высокой шапкой белой пены.

Впрочем, Палюк теперь посещал Элендея не один. С ним к нему ходили и его близкие товарищи. Шыртан Имет, хотя и был односельчанином, прежде не заглядывал к Элендею. Теперь же он приходил сюда каждый вечер и сидел до самых петухов. Старик Капкай и его сын Миша, тоже по профессии кузнец, довольно часто начали наведываться к Элендею. Иногда можно было подумать, что они являлись, заранее об этом сговорившись, приходили к вечеру и молча рассаживались на табуретках, недалеко от двери. Имет не любил так располагаться — он, скорчившись и упершись спиной в стену, сидел на корточках. Он говорил, подергивая плечами, жестикулируя руками и подмигивая одним глазом. Что же касается Тухтара, то не было ни одного вечера, чтобы тот не посетил Элендея. Тухтар слушал их внимательно, молчал и не вставлял своего слова в чужую речь. Не так давно Миша принялся обучать его кузнечному ремеслу. Старательный Тухтар вскоре обнаружил заметные успехи в этом деле.

Элендей называл всех приходивших к нему своими докторами. Доктором-то, конечно, был лишь один Палюк. Однако о самочувствии Элендея думал не только он. Его товарищи искренне заботились о здоровье больного, допытывались, что болит, и желали полного выздоровления. А сказанное вовремя теплое слово всегда согревает душу.

Когда Элендей по утрам и вечерам стал появляться на улице, товарищи местом для сборов выбрали кузницу. Если

вдруг кто-нибудь из них случайно не приходил сюда, то ему казалось, что он пропустил что-то очень важное.

Они беседовали о всякой всячине: о деревенских новостях и о будничных делах. Этих дел было много: у одного загон остался незасеянным, другой тревожился, долго ли будет стоять хорошая погода, третий опасался слухов о том, что лето окажется засушливым.

Палюк — бывалый человек. Говорил он так убедительно, что поневоле запоминалась всякая фраза. Кузнецу Мише довелось тоже кое-где побывать. Сегодня он рассказал, как съездил в Алатырь. Базарная цена на хлеб повысилась. На ту денежку, которую сейчас заплатишь за пуд, на прошлой неделе можно было купить два. Но зачем говорить о городе, когда здесь, в окрестностях, вдвое вздорожали хлеб и скотина? Деньги все время дешевеют. Разве это не признак того, что наступает тяжелое время?

— Я видел на железной дороге молодых рабочих, — сказал Миша, — вместо одежды — на них тряпье. Сами дрожат от холода. Страшно глядеть — как они похудели и осунулись! Неужели нет никого, кто бы пожалел их?

— Таких полно не только в городе. В деревне дети с отцами на заре уходят в поле, а возвращаются, изнуренные трудом, лишь поздним вечером, — вставил Имет, нервно дернув плечами.

— На свежем воздухе, может, это не так чувствуется. как на заводе, — там весь день глотаешь металлическую пыль, — сказал старый кузнец.

— Какой там свежий воздух, когда желудок пуст — и человек голоден! Хоть до отказа набивай желудок свежим воздухом, никакого проку не будет.

-- В деревне все-таки воробей не умрет, Элендей...*

— Голодное брюхо никому не дает покоя: или, работая до седьмого пота, до изнеможения, себе спину переломишь, либо, бросив все к черту, начнешь воровать.

— Этим заниматься нельзя. Сегодня украдешь, завтра пойдешь человека убивать.

— Что же тогда делать голодному?

— Что? О том после поговорим. Вы сначала скажите, кто виноват во всем этом? — спросил Палюк.

Собравшиеся переглянулись и замолчали. Трудно было ответить. Они сидели на лежавшем возле кузницы бревне. Вечер был тихий, слабый, ветер гнал по небу два-три маленьких облачка, похожих на кроликов. Пес Тухтара, возившийся около какой-то ямки, услышав, что голоса людей

* Чувашская пословица.

смогли, взглянул вверх, нос его был смешно перепачкан глиной.

— В том, что народ голодает, виноваты не люди, не погода, и не природа. Повинен в этом весь строй нашей жизни,— сказал Палюк.

Неожиданно неподалеку от кузницы показался остриженный наголо Тимрук. Он шел босиком, играя прутиком, который держал в руке. Услыхав разговор, оглянулся по сторонам и замедлил шаг.

Увидев Тимрука, Палюк замолчал.

— Кто это?— шёпотом спросил он у сидящего рядом Элендея.

— Младший брат Сэлиме. Недавно я тебе рассказывал...

— Э-э!

— Кто это у вас тут поздним вечером купается?— спросил, подойдя, Тимрук.

— Где?— удивились сидевшие.

— В Карасском озере.

— Сейчас вода потеплела. Можно купаться,— ответил Элендей, недовольный тем, что Тимрук помешал их беседе.

— А что, может, и нам выкупаться?— предложил Миша. Один за другим медленно поднялись. Долго хлопали ладонями по штанам, выбивая пыль, поправляли, одергивали рубашки, подтягивая пояса.

Молодежь давно уже вышла на игрище, издали слышны ее песни. В Новоырской низине, на том месте, которое осталось незапаханным, совсем недавно мелькали огоньки костров, зажженных ребятами, приехавшими туда в ночное. Теперь всю ее затянуло туманом и ничего не было видно. Месяц медленно плыл к западу, бросая на землю лимонный свет. Чуть видны редкие, скупые звезды.

Люди поднялись на гору. На траву уже пала роса, пролетел к кузнице филин. На глади озера была еле заметная рябь. Мелкие волны перебирали серебро. На берегу — ни души.

— Ты говорил,— обратился Шыртан Имет к Тимруку,— что здесь купаются, но где же люди?

— Был кто-то, своими глазами видел.

— А зачем сюда ходил? Выкупаться хотел?

— Одна наша корова из стада не пришла, та, что взяли у дяди Кандюка... думал, что она угодила в какую-нибудь яму, вышел поискать. Иду берегом озера и вдруг — вон, на той стороне, где чернеет куст внизу, кто-то сбежал с горы и прямо бултых в озеро.

— А где же он теперь?

— Не знаю.

Рассказ Тимрука показался всем нескладным, неуклюжим и даже мало правдоподобным.

— Каким он был с виду — этот человек? Высокий? В каком месте разделся?

— Этого я не успел заметить, — ответил Тимрук, глядя то на Имета, то на Палюка, которого он не знал. — То ли оттого, что месяц ярко светил, человек показался мне каким-то белым.

— Просто почудилось, — улыбнулся Миша.

— Да нет же... И самого человека видел, и слышал, как он шлепнулся в воду, — возразил Тимрук. — Может, это леший был.

— Тоже нашел, что сказать! У труса каждый глаз вместо одного человека сразу видит семерых.

— Леший здесь не бывает, — глубокомысленно заметил Имет. — Ежели и быть кому, то только лишь водяному...

— Не верю ни в лешего, ни в водяного, — махнул рукой Элендей. — Это ему почудилось...

Тухтар молчал. В это время две большие птицы, прочертив небо одним штрихом, закончили его, поставив каждая свой собственный росчерк, и опустились в куст около озера. Заметив их, пес Тухтара заметался, как угорелый, и потом бросился к кусту. Не прошло и десяти секунд, как он вернулся обратно, держа в зубах какой-то предмет.

— Что это?

Элендей вырвал его из пасти собаки и начал внимательно рассматривать.

— Платок! Ей-богу, платок!

Пес поднялся на задние лапы, а передние положил ему на руки, точно считал себя ответственным за всю историю этой находки.

— Откуда собака приволокла платок? — Тухтар взглянул и оштолбенел. Его глаза расширились и застыли.

— Это — шелковый платок розового цвета? — Тухтар вырвал платок из рук Элендея. Он осматривал его со всех сторон. Глаза блестели. Двигались губы, но ничего нельзя было расслышать, кроме взволнованного шепота:

— Ты знаешь, чей это платок?..

* * *

Пришел вечер. Детвора не расходилась. Она визжала, кричала, шумела, бегала наперегонки. Два мальчика Атилли Игната, в коротких штанишках и в рубашках с расстегнутыми воротами, ходили с ведрами воды от одной навозной кучи к другой — искали черных жуков. Найдя норку, они лили

туда воду и, когда жук выползал, оба орали и смеялись на всю улицу. Сынишка Пеге Савиня, одноглазый Вастик с бельмом на глазу, стоял и плакал, кривоногий Мыранов Симук, подпрыгивая на одной ноге, делал вид, что сейчас погонится за малышом и побьет его.

Кандюк прошел мимо и ухмыльнулся. «Все это — будущие батраки,— подумал он.— Кое-кто из них будет работать в моем хозяйстве. Но больше половины, вероятно, помрет еще детьми. И остальным лучше бы не жить — так жалок их удел. Смогут ли они работать? Разве мало на земле калек да слепых? На них смотреть даже не хочется. Кожа да кости—ребра так и выпирают у каждого, вон видны хрупкие, тонкие и ломкие косточки, кожа потрескалась, так что ветер продувает сквозь них. У самих нет ничего, а все-таки хотят жить. Кому нужна ваша жизнь?»

Шеркей взволнованно спросил у ребят, не видели ли они, куда побежала Сэлиме. Разве это их интересовало? Один сказал, что умчалась на гору, другой, наоборот, махнул рукой в противоположную сторону.

Парни и девки уже прошли на игрище. Их веселые голоса звенели далеко на перекрестке двух улиц.

— Надо пойти домой,— промолвил со вздохом Шеркей,— может, она уже там.

— Верно, туда ушла,— ответил Кандюк.— Не будет же она делать нас посмешищем. Ты — ее отец. С тобой был уговор обо всем. Ты проучи ее, наставь на путь и приведи обратно. А потребуется, то и поколоти малость.

— Я сам так думаю,— согласился Шеркей.— Кто знает, может, не успела дойти до дома. Не к Элендею ли, думаю, она забежала? Неплохо было бы, если бы вы попозже зашли ко мне. Как по-вашему?

Внезапное исчезновение Сэлиме возбуждало в нем тысячи подозрений. Он чего-то боялся. Зачем дочь так быстро побежала? Что случилось с ней? Его удручало множество предположений.

— Так, пожалуй, и сделаем!— ответил Кандюк.

— Придем, придем,— затараторила его старуха.— Вот поужинаем и сейчас же к вам.

Они расстались, не попрощавшись. Ноги Шеркея отяжелели. Словно налили их свинцом. Он ступал с большим трудом. Голова бессильно опускалась. Шел медленно. Казалось, он рассматривал каждый пройденный им шаг. Возле избы Кандюка, минуту назад, стояла корова, которую тот отдал Шеркею за дочь. Но старик даже не заметил ее. Кандюк распахнул ворота своего двора и впустил корову.

Шеркей был расстроен. У забора двигалась белая свинья

с хвостом-закорючкой и повсюду совала свой пяточок. Она прятала под большими, как листья репы, ушами свои маленькие черносмородиновые глазки. Шеркей наткнулся на нее и не обратил никакого внимания.

Вот он дошел до дома. Вошел в избу. Мыши бегали по половицам, бродили среди посуды и после смелой разведки приблизились к Шеркею. Они были под столом у ног. Бегали от одной ножки стула к другой, задевали сапог, потихоньку покусывали дерево. Шеркей не шевелил ногой, и мыши не убегали. Слышался легкий шум, он то прекращался, то возобновлялся.

— Тимрук?.. Есть здесь кто-нибудь?— спросил Шеркей, словно чего-то испугавшись.

Он нарочно не произнес имя Сэлиме. Подошел к кровати, потрогал одеяло, не лежит ли дочь под ним. Нет! Она не вернулась домой. В избе никого не было, даже пол не подметен. Где же может быть Сэлиме? Не к Элендею ли пошла? Наверное, там. С девушками беда, намаешься с ними, когда они в таком возрасте.

В избе тоскливо. Когда была жива ее мать, здесь всегда было много людей. Они заходили, сидели, говорили. «Не шумите,— бывало сердился на них Шеркей,— нет покоя от вас!» А теперь — тишина. На что Ильяс, и того нет,— заго-стился у старшей тетушки. Загнал ли Тимрук скотину?

Шеркей медленно вышел во двор. Вороная лошадь в конюшне, гнедая привязана к телеге. Обе жуют свежую траву. Выходит, что Тимрук возвратился и потом, вероятно, пошел с парнями на игрище. Все овцы на месте. Но коровы нет, должно быть, она еще не пришла. А может, Тимрук вышел искать ее? Очень не хотелось Шеркею идти к брату, но надо. Сэлиме может быть только там. Или она к Елиссе побежала?..

Воздух стал сырой, влажный. Шеркей снова дома, облокотился о стол. Сходить к Элендею? Он не допускал мысли, что дочь могла уйти куда-нибудь далеко. Куда ей бежать? Ушла — значит, направилась к своему дяде. А вдруг — к Тухтару? Эта мысль его сильно испугала. Только из-за одного этого ему не хотелось больше думать о дочери. Но нельзя отогнать страшной мысли. Юная дочь с поседевшими волосами, со впалыми бледными щеками, с тонкими руками стояла перед глазами. Как она осунулась, стала непохожей на себя!

Потом печаль ушла: Сэлиме — крепкая, здоровая девушка. Она еще не видела жизненных невзгод. Она быстро поправится. Молодость всегда свое берет. Стерпится — слюбится. Со временем почувствует себя счастливой в богатом и

всеми уважаемом доме. Когда поймет намерения родителей, еще спасибо им скажет. Именно на это надеялся Шеркей.

А вдруг не получится так? Вдруг дочь потянется к Тухтару? Разве тогда не станет Шеркей посмешищем всей деревни? Растили, холили, берегли дочь, заботились о ней и вдруг... Конечно, хмелинушка тычинки ищет, а девица — парня. Но что уж лучше, когда родители парня богаты?

Сэлиме не нравится, что ее побили. Глупая девочка! Вот что значит не знать жизни. Бабу не бить — добра не видеть. Подумаешь, важность какая! Бей шубу, будет теплее, а жену — будет умнее. Жену надо любить, что душу, а трясти, что грушу. Разве без побоев может быть порядок в семье? Никакого! Женский быт — всегда он бит...

Возня мышей в подпечье прервала философские размышления Шеркея о жизни. И как они быстро плодятся, эти проклятые мыши! Придется опять завести кошку в избе. Обязательное! Сейчас дом сиротлив. Отлучись только на минуту — в избе никакого живого существа не остается, кроме мышей и тараканов. Эх, хотя бы Тимрук быстрее вернулся домой! Черт его знает, где рыщет этот молодой шатун!

Шеркей вышел на улицу и свернул в сторону сада. Вот его новый сруб. Он тоже не радуется старика. Этот сруб сегодня даже пугает: он продолговатый, четырехугольный, без крыши, напоминает мрачный гроб. Нет, нужно отогнать такие тяжелые мысли!

Шеркей начал думать о предстоящей работе по своему хозяйству. Скоро дорога наладится, надо нанять людей и съездить в лес, заготовить мох. Потом следует поднять сруб и проконопатить. Конечно, придется немало израсходовать денег, но, видно, в этом году он переедет из избы в новый дом. Шеркей погрузился в обломки своих мечтаний.

— Жаль, что покойной Сайде не удастся увидеть этого. О, если бы она была жива, как воскликнула бы от радости: «Оказывается, ты, Шеркей, — молодчага!» Что ни говори, а новый его дом будет хорош. Еще бы. На улицу он прорубил три окна, на двор — два и в сторону сада — одно. Вот удивятся тогда люди. Высохнут завистливые по чужому счастью. В такой дом зайдешь и не захочешь выйти.

В эту минуту Шеркей услышал какой-то шум. Он был немного глуховат и стал напряженно прислушиваться, поставив ладонь к уху. Похоже, что где-то вдали ревет бык: пробует свой голос, сотрясает им окрестность. Замолчал. Потом опять заревел. Интересно, с какой стороны доносится этот крик?

Шеркей пробудился от своих грез, они улетучились, как роса на солнце. Старик торопливо вышел, остановился и

вновь прислушался. Он пытался просверлить взглядом темноту. Снова раздался вой. Он был не прерывистый, а протяжный. Он словно растекался в воздухе, резвертываясь длинными лентами. Как будто воткнули нож животному в сердце, а вытащить его не смогли. Вот опять слышится этот рев со стороны Нового Ыра. Впрочем, это — не рев животного, а кажется, стон человека...

Кожа на голове Шеркея задвигалась, как спина озябших животных. По всему телу пробегала дрожь. Сердце стучало, словно часы с испорченной пружиной. Что-то сдавило горло. Ему стало страшно. Мысли еле ворочались. Шеркей испуганно озирался по сторонам. Улица была пустынна. Не видно ни одного человека. Где-то остервенело лаяли собаки. Стон покатился в сторону от Нового Ыра и замолк, исчез.

— Неужели человеческий стон?— Эта мысль назойливо закружилась в его голове, как мотылек над огнем.— Но будет ли здоровый человек так дико и истошно кричать ночью?

Шеркей почувствовал смертельную усталость, как будто таскал пудовые мешки. Весь он как-то осел, сжался, словно воздушный шар, из которого выпустили воздух. Войти в избу? Но там тоска, как ржавчина, начнет разъедать сердце Шеркея. Остаться здесь тоже невозможно: страх и тревога, словно моль, прогрызали дыры в ткани его сознания.

Со стороны леса дул порывистый ветер. Листья вяза шумели, шелестели. Казалось, они тревожно о чем-то расспрашивали друг друга. В ночной глухой синеве над белой равниной стоял холодный срезанный месяц. Порой он уходил, прятался за деревьями в Турикасах. Иногда над головой Шеркея сеть вяза вдруг просвечивала маленькими, светлыми кружками — они падали тысячами сквозь зелень, как белый дождь.

На улице неожиданно появились два человека. Шеркей испугался: он стоит один. Бог знает, что могут посторонние, чужие люди подумать о нем? Но это были Кандюк с женой. Шеркей издали узнал походку Кандюка: тот всегда ступал, как иноходец, коротко откидывая в стороны свои толстые руки. Медленно раскачиваясь всем корпусом, он шел с видом человека, знающего, что он имеет право на место под солнцем, пожалуй, даже на два или три места. Алиме плыла, словно корабль на всех парусах, высокая, полная, с громадным бюстом и толстым животом.

— Не приходила?— водянистые глаза Кандюка уперлись в него, под взъерошенными усами появилась и исчезла злая усмешка.

— Нет. Дома ее не было. Думаю, что она у моего бра-

та,— ответил Шеркей, словно провинившийся, покорный ребенок.

Побелевшие губы Кандюка застыли в перекошенной усмешке. Алиме повернулась к Шеркею и озабоченно заговорила:

— Сам знаешь, не хочется позорить доброе имя. Нямазь вернулся домой и настрого приказал привести ее. Надо найти твою дочку сейчас же.

У Алиме был вид консультирующего врача, так серьезно она покачала головой и опять сделала озабоченный жест.

— Это, конечно, так. Я собирался идти к брату, но услышал какой-то крик на той стороне и остановился.

Кандюк лающе покашлял. Его косматые брови нависли, он впился в жену расширенными глазами и угрожающе поднял палец:

— Я говорил тебе, что кто-то кричит.

Алиме вздохнула и плотно поджала губы:

— Я не слыхала. Я и ответила, что это тебе почудилось.

— Ты вечно ничего не слышишь. Я своими ушами слыхал. Зайдем, Шеркей, в избу. Чего здесь торчать?

— В самом деле, зайдем,— словно обрадовавшись, предложил Шеркей и понуро полпелся в избу, будто бык, которого ведут на убой.

Он пропустил обоих вперед. Взял веник, провел им несколько раз по полу, сделал вид, что подмел мусор и прошел к столу. Лампу не зажигали, так как в окно уже проникал свет утренней зари.

— Вы посидите здесь. Я сейчас сбегаю к брату и мигом вернусь с Сэлиме обратно.

Он торопливо вышел из избы. Вытер потный лоб и вдруг услышал топот ног на нижней улице. Шеркей остановился и стал внимательно вглядываться. Через мост шла толпа людей. Что это могло означать? Толпа росла, как снежный ком. Над ней проходил ветерок тревожного шепота. Люди глядели в сторону его избы, задрав головы со сдвинутыми шапками и картузами.

Вот вереница людей почти приблизилась к его озбе. Она брела медленно и рассеянно, как во сне. Порыв прохладного ветра подхватил пыль и понес ее с листьями. Шеркей повернул лицо в сторону.

Вдруг где-то вдали завывла собака. Она выла долго, протяжно, словно что-то оплакивала. Когда стих порыв ветра, Шеркей протер от пыли глаза, поднял голову и увидел Тимрука, который шел впереди толпы. Вот, наконец-то, появилась эта беспокойная душа! Оказывается, его сын рыскал по улице до самого рассвета. Нечего сказать — хорош сынок! Шер-

кей нахмурился: парень начинает бездельничать. Этак можно быстро испортиться. Ныне гуляшки и завтра гуляшки — находишься без рубашки.

— Папа!..— закричал Тимрук, в его голосе было так много отчаяния и скорби, а лицо белело, как мел.

— Что, что, сынок?!— растерялся Шеркей и торопливо засеменял на середину улицы.

— Вот...— промолвил Тимрук, всхлипнул и заплакал.

Подошел Шыртан Имет, он был без фуражки, с растрепанными волосами. Всегда этот человек ходил гордо, уверенно, а сейчас он сгорбился. За ним, тяжело ступая, двигался Элендей с обнаженной головой. Но что такое? Они кого-то несут?

— Сэлиме?— дико закричал Шеркей, увидев страшную ношу.— Сэлиме! Доченька моя! Милая девочка, что с тобой случилось?

Шеркей подошел ближе, топтался на месте и пристально смотрел на дочь. Несшие Сэлиме были безмолвны.

— Что вы сделали с ней?— воскликнул Шеркей.

Он стиснул обеими руками голову и застонал.

Тимрук открыл ворота. Люди потоком влились во двор, вошли в избу и осторожно положили свою ношу на кровать.

Кандюк с женой от неожиданности попяtilись к двери. Кандюк собирался что-то сказать, но, увидев труп Сэлиме, застыл с открытым ртом. Алиме прижала руки к груди. Шеркей вошел последним, подошел к кровати, положил руки на Сэлиме и застонал. Глухие стоны грызли и подтачивали тишину. Чудилось, что пришедшие затаили дыхание, замерли. Даже сверчки и те смолкли.

Седые волосы Сэлиме прядями прилипли ко лбу, свисали на пол. Проникший в окно утренний свет осветил ее бледное лицо. Кандюк и его жена сели на лавку и взглядывали друг на друга. Вошедшие в избу люди стояли вокруг Сэлиме, печальные, грустные. Шеркей поднялся с кровати, зашевелил губами. Он хотел что-то сказать, но не мог. Посмотрел на Имета, потом на брата и глухо спросил:

— Что с ней случилось?

— Ты — убийца ее! Скажи нам, что ты сотворил со своей дочерью?!

— Не только он один повинен в смерти,— сказал кто-то.— Вот сидят ее убийцы. Они даже не стыдятся смотреть на свою жертву.

Люди взглянули на Кандюка с женой. Те сидели, прижавшись друг к другу. Но вот Кандюк встал и его беловато-стеклянный взгляд остановился на том, кто произнес эти слова. Он поднял оловянные глаза, как бы припоминая что-то:

— Подожди. Ты, ты, кажется, беглый. Не Палюк ли это из Чепкассов?

Палюк взглянул в глаза Кандюка. У него дрогнули губы, и он с холодным презрением ответил ему:

— Узнал? Да, я! Возвратился сюда для того, чтобы поговорить с тобой с глазу на глаз!

— Мне... не о чем с тобой беседовать...

Кандюк растерянно попятился и сел на скамейку. Он съежился, побледнел, опустил глаза, сделался жалким и дряблым. Алимэ толкнула его под локоть:

— Идем домой!— прошептала она.— Я боюсь, как бы не случилось в этом доме еще чего-нибудь.

Они быстро направились к двери. Им не пришлось плечами пролагать себе путь в вязкой толще людей. Толпа в избе и во дворе при виде их рассыпалась, словно плохо испеченный пирог, и крохи ее рассеивались во все стороны. Люди молча смотрели на Кандюков с ненавистью и презрением.

Кандюк с женой рысцей бежали по улице и, как ночные разбойники, пугливо оглядывались назад, словно ожидали погони. Но никто не пошел вслед за ними.

Как живая, лежала Сэлимэ на кровати. На ее белое лицо упал яркий солнечный луч. Но он не согрел, не оживил девушку. Он не смог открыть ее больших темных бархатистых глаз, в которых не так давно мелькали золотистые искорки...